



оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vlgypx>

Концепция самодержавия как государственно-правового феномена в научной мысли

Ларионов Алексей Сергеевич

Тюменский государственный университет, Россия, Тюмень

eLibrary Author SPIN: 8164-2890

<https://orcid.org/0009-0006-1600-6214>

alelario@icloud.com

Аннотация: Одной из актуальных исследовательских задач является переосмысление исторического пути российской государственности, поиск самобытных форм организации государства и права. Несмотря на широкий интерес к осмыслению прошлого, самодержавие не попадает в фокус внимания современных исследователей. Между тем последние развернутые исследования самодержавия датируются началом XX в., а само это явление обычно рассматривается лишь как часть иного, большего по содержанию объекта. При условии, что российское государство более 300 лет являлось самодержавным, это явление нуждается в отдельном рассмотрении и собственной теории, учитывающей достижения современной юриспруденции. Цель – установить содержание концепта *самодержавие*. В результате сделан вывод о комплексной, междисциплинарной природе феномена *самодержавие*: оно имеет правовые и институциональные основы, собственную совокупность идеологем, а также тесно переплетено со структурой государственных элит. В работе предлагается рассматривать самодержавие как социокультурный феномен и определять его как совокупность государственно-правовых практик, укорененных в общественном сознании и менталитете, определяющую конструкцию и свойства государственной власти, структуру элит, особенности права, имеющую собственные механизмы воспроизведения и подкрепленную особой системой идей и представлений. Настоящее исследование вносит вклад в формирование самобытной теории российского самодержавия в историко-правовой науке.

Ключевые слова: самодержавие, самодержавие как феномен, государственно-правовые феномены, российская государственность, самобытность российской государственности, история государства и права России

Цитирование: Ларионов А. С. Концепция самодержавия как государственно-правового феномена в научной мысли. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 4. С. 607–614. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-4-607-614>

Поступила в редакцию 04.08.2025. Принята после рецензирования 01.09.2025. Принята в печать 01.09.2025.

full article

Russian Autocracy as a State and Legal Phenomenon in Scientific Thought

Aleksei S. Larionov

Tyumen State University, Russia, Tyumen

eLibrary Author SPIN: 8164-2890

<https://orcid.org/0009-0006-1600-6214>

alelario@icloud.com

Abstract: Russian nationhood studies are on the lookout for new historical trajectory and innovative forms of state and legal organization. Despite the current focus on the national past, the autocratic system receives little attention from contemporary scholars. However, the most recent in-depth analyses of autocracy are more than a century old, and the phenomenon itself is usually viewed as part of a broader subject. The four centuries of Russian autocracy is reason enough for comprehensive research and a clear theory that would incorporate the insights of the contemporary legal science. Autocracy is a multifaceted and interdisciplinary phenomenon with both legal and institutional foundations, as well as its own ideological framework. It is interwoven with the structure of state elites. The author proposes to view autocracy as a socio-cultural phenomenon, defining it as a complex set of state and legal practices deeply rooted in public consciousness and mindset. These practices have their own reproduction mechanisms and shape the structure and characteristics of state power, elite structures, and legal systems. Autocracy also relies

on a specific system of ideas and perceptions that support its existence. This study contributes to the national theory of Russian autocracy within the realm of historical and legal science.

Keywords: autocracy, autocracy as a phenomenon, state-legal phenomena, Russian nationhood, identity of Russian nationhood, history of Russian state and law

Citation: Larionov A. S. Russian Autocracy as a State and Legal Phenomenon in Scientific Thought. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(4): 607–614. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-4-607-614>

Received 4 Aug 2025. Accepted after review 1 Sep 2025. Accepted for publication 1 Sep 2025.

Введение

Современные общественные и политические процессы актуализируют дискуссию о природе и самобытности российской государственности. Актуальной исследовательской задачей становится поиск путей развития российской государственности, основанных на укорененных в исторической памяти практиках.

Самодержавие представляет собой явление, сопровождавшее российскую государственность более 300 лет. По мнению С. Н. Михеевой и Г. А. Скипского, именно самодержавие обеспечивало целостность и устойчивость социально-экономического развития России [1, с. 123] Однако несмотря на возросший интерес к переосмыслению прошлого, самодержавие не становится самостоятельным объектом для рассмотрения и выпадает из фокуса исследователей. В последний раз комплексные исследования этого феномена проводились в начале XX в. [2], а отдельные концепции можно обнаружить в более ранних трудах классических историков [3–5] или в трудах юристов и политологов XIX–XX вв. [6–10].

Однако даже названные исследования рассматривают самодержавие не как самостоятельный целостный объект, а как признак, принцип или часть иного, большего объекта. Так, Е. В. Сафонова и Г. П. Шайрян указывают на неполноценность анализа самодержавия за счет исключения юридической его природы [11, с. 241]. Иными словами, самодержавие так и не получило самостоятельного определения, собственной полноценной теории, несмотря на высокую значимость для российской истории.

Рассмотрение самодержавия как самостоятельного объекта, учитывающее современные достижения юридической и исторической наук, может разрешить эту историческую несправедливость и обнаружить значимые для современной России подходы к конструированию и осуществлению государственной власти.

Исследование выполнено в русле социокультурной антропологии права. Государство и право предлагается рассматривать как релятивные, социально и исторически обусловленные явления, сконструированные и воспроизведимые практиками людей [12, с. 59].

Во внимание принимается и подход историка права F. Feldbrugge, настаивающего на необходимости преодолеть юридический идеализм [13, р. 18; 14, р. 2], т. е. рассмотрение объекта прошлого через призму абстрактных понятий, содержание которых относится к последующим историческим периодам. В этом смысле самодержавие в данной работе рассматривается как концепт без заданного содержания, смысл которого формируется в социокультурном контексте.

Объект исследования – феномен *самодержавие*, предмет – подходы к его концептуальному осмыслению в юридической, политической, исторической и социальной науках.

Цель статьи – установить содержание концепта *самодержавие*.

Результаты

Самодержавие как политico-правовой концепт

Первая группа точек зрения на природу самодержавия относится к полю государственно-правовых и политических категорий. Историки, историки государства и права, теоретики юриспруденции и отечественные конституционалисты осмысливали этот феномен через принципы осуществления государственной власти, ее свойства и формы организации. Сама по себе эта группа неоднородна: ученые по-разному расставляли акценты в своих исследованиях.

Н. М. Карамзин называет самодержавие «величайшим благодеянием Судьбы для России» [3, с. 375]. Историк трактует этот феномен как принцип, предписывающий концентрацию всей полноты государственной власти в одних руках. Именно закономерная концентрация критического количества властных полномочий у Ивана III привела к преодолению раздробленности и позволила обрести независимость от татаро-монголов [3, с. 376].

В. О. Ключевский, относивший становление самодержавия к XVI в., определяет Россию этого периода как «абсолютную монархию с аристократическим управлением» [5, с. 170]. Советский историк права С. В. Юшков, следя марксистской

традиции, описывает период российской истории с XIV по XVIII в. как время формирования вначале централизованного государства с сильной единоличной властью, а затем типичной абсолютистской монархии [15, с. 334]. Несмотря на содержательные различия, для В. О. Ключевского и С. В. Юшкова самодержавие представляется феноменом, органически связанным с концептом формы правления.

Дореволюционный историк права В. И. Сергеевич продолжает эту линию. Самодержавие представляется ему формой правления, отличной от абсолютной монархии. По мнению историка права, самодержавная форма правления сложилась при Иване III и сменилась абсолютной монархией имперского типа при Петре I [16, с. 156].

Н. А. Захаров, продолжая дискурс об относности самодержавия к форме государства, вписывает его в систему разделения властей и определяет как четвертую ветвь власти, способную к самостоятельному осуществлению и имеющую особые полномочия и прерогативы [2, с. 279]. К числу таких полномочий и прерогатив (актуальных на начало XX в.) ученый относит право приятия последнего неизменяемого решения о войне и мире, учреждение государственного порядка, уравновешивание остальных ветвей власти и олицетворение государственной воли [2, с. 301]. По общему правилу, эта власть бездействует и являет себя лишь в момент необходимости: «власть непосредственного волеизъявления, <...> неограниченную в сфере своего применения, <...> но могущую проявить себя в экстраординарную минуту жизни государства» [2, с. 280].

Отдельная научная дискуссия развернулась относительно правового закрепления самодержавия в нормативных правовых актах. Свод законов Российской Империи 1832 г. содержал ст. 1 Основных государственных законов: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает¹. В 1906 г. в силу вступает обновленный Свод Основных государственных законов Российской Империи, в котором названная статья становится четвертой и излагается в следующей редакции: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает². Появление самодержавия как правовой категории и трансформация содержания этой категории стали предметом юридической научной дискуссии в середине XIX – начале XX в.

М. М. Сперанский, комментируя первую редакцию указанной выше нормы, отмечает, что самодержавие как характеристика верховной власти российского государя имеет два значения. Во-первых, относительно государства как целого самодержавие означает внешний суверенитет, т. е. «независимость государства от всякой посторонней власти» [6, с. 50]. Во-вторых, применимо к фигуре государя, самодержцем является тот, кто соединяет «все стихии державного права во всей полноте их, без всякого участия и разделения» [Там же]. М. М. Сперанский продолжает: «титул самодержца означает не только власть верховную, но и власть от всякой другой власти» [Там же, с. 57]. Так, в современных терминах позиция М. М. Сперанского состоит в приравнивании самодержавия к полной форме государственного суверенитета – внешнего и внутреннего суверенитета одновременно.

Н. М. Коркунов солидаризируется с М. М. Сперанским. Сопоставляя редакции упомянутой выше нормы, ученый отмечает, что употребление характеристики «самодержавный» в Основных законах Российской империи относится именно ко внутренней безраздельности власти царя, а не к международно-правовому статусу государства [10, с. 213], и «объемлет собой понятие неограниченности власти» [Там же]. Между тем в результате изменения Основных законов Российской империи в 1906 г. меняется, по Н. М. Коркунову, и характер самодержавной власти: она перестает быть неограниченной, самостоятельная власть государя распространяется теперь только на членов Императорского дома, а самодержавие следует воспринимать в значении внешнего суверенитета государства [Там же, с. 214–215]. Иными словами, трансформация самодержавия между двумя редакциями Основных законов состоит в переходе от неограниченной надсистемной личной власти к самодержавию, вписанному в систему государственной власти.

А. Д. Градовский продолжает общую линию о существе самодержавия как фактически внутреннего суверенитета государя по отношению к иным властям или воле учрежденных царем институтов и органов государственной власти («каждый акт его [российского государя] воли получает обязательную силу независимо от согласия другого установления» [9, с. 2]). При этом ученый иначе толкует понятие неограниченности. Он рассматривает неограниченную власть российского монарха как не ограниченную законами, которые находились бы выше его воли [Там же, с. 1]. То есть власть самодержца имеет надзаконную силу, поскольку формально-юридически

¹ Свод законов Российской Империи. Т. 1. Основные государственные законы. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1857. Ч. 1. С. 1.

² Законодательные акты переходного времени 1904–1908, ред. Н. И. Лазаревский. СПб.: Изд. юридич. кн. склада «Право», 1909. С. 615.

все нормативные правовые акты действуют благодаря воле самодержца, который учредил возможность осуществления этих нормативных актов.

Точка зрения представителя государственной школы Б. Н. Чичерина на самодержавие в некотором смысле синтетическая. Ученый называет монарха самодержцем лишь в том смысле, что он «держит власть независимо от кого бы то ни было, не как уполномоченный, а по собственному праву» [7, с. 134]. Так, автор наделяет самодержавие, с одной стороны, содержанием, близким к современному пониманию суверенитета, как это делают названные выше М. М. Сперанский, Н. М. Коркунов и А. Д. Градовский. С другой стороны, Б. Н. Чичерин выделяет и особый признак: основание государственной власти. Власть самодержца существует в силу внутренних причин, «внутреннего права» монарха, а не как установление, реализующее делегированные полномочия. Между тем исследователь обращает внимание и на этические аспекты: «поэтому здесь господствует начало обязанности, или подчинение высшему закону» [Там же, с. 133].

Спектр взглядов на природу самодержавия как политico-правового феномена широк: от отождествления самодержавия с абсолютной монархией, утверждения о самостоятельности его как отдельной формы правления, вписывания в систему разделения властей на правах отдельной ветви власти до установления различных соотношений самодержавия с понятием суверенитета или постулирования его в качестве признака верховной монархической власти.

В то же время все проанализированные позиции опираются на юридические и доктринальные категории и не учитывают культурный, религиозный и идеологический контексты, в которых складывалось самодержавие. На важность анализа этих контекстов указывают исследователи. Так, В. И. Сергеевич, рассматривая происхождение самодержавной формы правления, особое значение придает духовным началам и религиозным доктринаам, послужившим идеологической основой для зарождения самодержавия [16, с. 156–157]. Н. А. Захаров, в свою очередь, отмечает, что самодержавная власть манифестирует те национальные и культурные особенности, которые сложились в российском обществе: «вот почему наша конституция признает существование самодержавной власти как национальную, бытовую, выработанную историей» [2, с. 143]. Невозможно не учитывать и релятивный характер государства и права [12, с. 59], которые всегда укоренены в том социокультурном контексте, в котором разворачиваются.

Итак, научное направление, рассматривающее самодержавие только как политico-правовой концепт, не только чрезвычайно неоднородно

само по себе, но и не учитывает иные слои (культурные, социальные, идеологические), необходимые для действительно глубокого осмыслиения феномена *самодержавие*.

Самодержавие как совокупность идей

Переход от институциональных и правовых категорий к идеологическим основаниям самодержавия позволяет более полно рассмотреть этот феномен. Одним из первых ученых, концептуализировавших идеологические основания самодержавной власти, был Л. А. Тихомиров.

Для Л. А. Тихомирова самодержавная монархия – это чистый вид монархического государства [8, с. 78], лишенный недостатков деспотической или абсолютной монархии, а также по своей органически религиозной природе противопоставленный западному рациональному конституционализму. Описывая зарождение и развитие российского самодержавия, Л. А. Тихомиров особое внимание уделяет моральным, религиозным и идеологическим факторам, под воздействием которых складывалось общественное сознание. Ученый детально рассматривает влияние византийской идеи неограниченной монархии и православного миропонимания на складывание идеи самодержавия в России. В этом смысле для Л. А. Тихомирова идея самодержавия, тесно переплетенная с христианскими учениями, является ключевым элементом, основой для конструирования самобытных государственно-правовых практик.

Особое значение идей отмечает и историк права М. Ф. Владимирский-Буданов. Описывая самодержавие, он уделяет особое внимание тем идеям, которые лежат в основе взаимоотношений между государем и иными субъектами. Так, по отношению к подданным самодержавие носит патриархальный характер [17, с. 191], т. е. основанный на идеи сильного главы семейства; по отношению к землевладению – вотчинный, т. е. основанный на подмене государственных прав частными, позволяющий государю распоряжаться землей как своей [Там же, с. 190]; по отношению к церкви же самодержавная власть располагает ограниченным перечнем прав влиять на ее устроение (участвовать в выборах верховного иерарха, выдвигать инициативы в церковном законодательстве) [Там же, с. 189]. По М. Ф. Владимирскому-Буданову, самодержавная власть основана на традиционных и патерналистских идеях, а не на публичном праве или нормативных установлениях, что характеризует самодержавие как особый феномен идеологического порядка.

Особое внимание вопросам идеологии самодержавия уделяют и советские историки Д. Н. Альшиц и В. Б. Кобрин. В труде Д. Н. Альшица идеологический сюжет проявляется в размышлении об Иване

Пересветове [18, с. 73], а также в рассмотрении исторических свидетельств фальсификации истории в пользу действующей власти, которые вытекают из анализа разных редакций «Слова о Полку Игореве» [Там же, с. 85]. Исследователь подытоживает: «Помимо собственных публицистических произведений царя, <...> большую роль сыграли и другие историко-публицистические произведения того времени, созданные для того, чтобы на историческом материале доказать исконность самодержавия на Руси» [Там же, с. 228]. В. Б. Кобрин выделяет в своей работе отдельную главу, посвященную апологетической самодержавной публицистике, в том числе приписываемой самому Ивану Грозному [19, с. 149]. Эта апологетика имела своей целью оправдание самодержавия в том виде, в котором оно разворачивалось на момент публикации упомянутых публицистических сообщений. Так, самодержавие предстает не только совокупностью идей, но также и феноменом, имеющим собственные способы воспроизведения этих идей, в том числе через апологетическую публицистику и мифологизацию истории для оправдания исторического настоящего.

Рассуждения о развитии и трансформации идеологии самодержавия продолжаются и в современной науке. Так, О. И. Самарина отмечает, что в историографии мало внимания уделяется вопросам формирования государственной идеологии самодержавия [20, с. 256]. Рассматривая публицистические источники, исследователь утверждает существование самостоятельной идеологемы самодержавия и прослеживает, как она развивалась, трансформировалась и достраивалась вплоть до середины XX в. Идеологема самодержавия представляется, таким образом, как совокупность идей, объясняющей модели и механизмов их воспроизведения и трансляции, способствовавших легитимации самодержавной власти как исконной для России.

Для внешнего наблюдателя история самодержавия также представляется историей идеологемы. Так, американский историк-руссист М. Cherniavsky дважды возвращался к этой теме в своих работах: он исследует идеологему «святой Руси», приходя к выводу о формировании этой идеологемы ортодоксией в XVI–XVII вв. [21, р. 637]. Кроме того, осмысливая конец XV в., историк приходит к выводу о том, что уникальность российской государственности сложилась из-за особой идеологической конструкции власти царя, сочетающей в себе одновременно азиатские и византийские черты [22, р. 69]. Для М. Cherniavsky государственная власть представляется особым символическим порядком, который содержит в себе необычное смешение византизма и деспотических элементов, которые через доктрину

«Святой Руси» и мессианскую миссию российского государства конструируют некоторый исторический нарратив.

Таким образом, помимо государственно-правового разворота, самодержавие может рассматриваться и как особая совокупность идей, имеющих как историю происхождения, так и особые механизмы воспроизведения и формирования публичного нарратива о самодержавии. Без учета этой значительной части вопроса невозможно глубоко анализировать содержание феномена *самодержавие* и его трансформации на протяжении российской истории.

Самодержавие как форма организации элит

Третья группа точек зрения рассматривает самодержавие через призму социальной структуры и организации общества. Ученые рассматривают этот феномен как находящийся в сложном отношении со структурой элит. Связь самодержавия с социальным устройством общества и структурой элит в нем осмысляется А. С. Ахиезером, И. М. Клямкиным и И. А. Яковенко.

В своем междисциплинарном труде о российской истории ученые осмысляют самодержавие как государствообразующий институт [23, с. 114], утвердившийся в России после XIV в. и соответствующий народным идеалам и их культурному содержанию [Там же]. Исследователи рассматривают самодержавие через призму взаимоотношений *государь – элиты – народ*, особое внимание уделяя трансформациям элит на каждом этапе развития российского государства. Иными словами, осуществление самодержавной власти невозможно без опоры на элиты, которые формировались и трансформировались в зависимости от замысла государя в каждую эпоху. В этом смысле опричнина Ивана Грозного может рассматриваться как инструмент формирования мобилизованной элиты, которая в противовес ранее существовавшему родовому порядку продвигает наиболее лояльных и готовых служить в интересах царя. В таком случае элиты превращаются не в партнера или ограничивающий фактор (как, например, в моделях конституционных монархий), а в инструмент осуществления государственной власти.

Д. Н. Альшиц, осмысливая опричнину Ивана Грозного, указывает на следующий факт: в течение действия этого особого режима состав Боярской Думы был обновлен настолько, что стал полностью состоять из выходцев из опричного войска [18, с. 93]. А войско это, в свою очередь, состояло из лично преданных монарху воинов. Таким образом, Иван Грозный сформировал ключевой орган принятия решений из собственной «гвардии». Это один из примеров переосмысливания состава элит с учетом

замысла самодержца: переход от родовой модели к модели персоналистских элит, которые, в отличие от бюрократической элиты, сформированы по принципу личной преданности государю.

Аналогичный подход можно обнаружить и в зарубежной литературе. Так, историк и социолог (один из ключевых ученых в теории элит) Р. Лахман относит появление государства в России к XV в., когда элиты консолидируются вокруг монарха (имеется в виду Иван III) [24, с. 106]. Относительно самодержавия ученый пишет о принудительной консолидации элит и об изменении характера их целеполагания: в результате деятельности первых московских царей элиты теперь не конкурируют с государственной властью за внешние ресурсы, а конкурируют друг с другом за ресурсы этой власти [Там же]. В этом смысле для социолога самодержавие (которое складывается в ту же эпоху, к которой исследователь относит формирование русского государства вообще) представляется скорее особым способом организации элит в государстве, обеспечивающим надсистемную роль царя и высокую степень управляемости элит.

Таким образом, помимо политico-правовой и идеологической природы концепта *самодержавие*, есть и социальный его аспект. В этом смысле самодержавие предстает особой формой организации власти, при которой государь производит необходимые ему элиты, устранив ранее существовавшие порядки. Это разительно отличает самодержавие от западноевропейских моделей, в которых одной из задач государственной власти являлось установление двунаправленной коммуникации с элитами.

Самодержавие как социокультурный феномен

Каждая из представленных точек зрения является верной, но в то же время не исчерпывающей. Невозможно предположить, что у самодержавия отсутствует политico-правовое значение, равно как нельзя признать ложными утверждения о наличии у него собственной совокупности идей и объяснительных моделей (апологетики), а также о влиянии этого феномена на структуру элит и внутриэлитную динамику в российском обществе. Сложность самодержавия иллюстрирует точка зрения П. Е. Казанского, дореволюционного правоведа, который, описывая власть российского императора, выходил за пределы правовых и идеологических предписаний. Ученый пишет о непропорциональности власти монарха, о ее божественном происхождении [25, с. 35]. Подобную точку зрения занимает историк А. Н. Боханов. Для него самодержавие невозможно познать лишь только рациональными инструментами, для этого требуется несколько

более широкий взгляд [26, с. 73]. Следовательно, необходимо обнаружить иной подход к рассмотрению самодержавия, который позволил бы установить его сущность во всем объеме, не опросящая этот феномен до классических правовых категорий.

Социокультурный дискурс в праве, разворачиваемый в работах И. Л. Честнова, предписывает рассматривать право как релятивный по отношению к культуре и социуму феномен, укорененный в ситуации конкретного общества и конкретной культуры [12, с. 59]. Этот феномен сконструирован и воспроизводится практиками людей [Там же, с. 58], которые, в свою очередь, всегда разворачиваются в некотором историческом и социальном контексте [Там же, с. 59].

Учитывая базовые установки социокультурной антропологии права, можно, вслед за И. Л. Честновым, утверждать, что и самодержавие представляет собой социокультурный феномен российской государственно-правовой жизни, являясь совокупностью юридически значимых государственно-правовых практик, которые разворачивались в российском историческом и культурном контекстах. Как уже было установлено, содержание этого феномена выходит за пределы политico-правовых категорий, охватывает пространство идей и социальную организацию общества. Кроме того, как уже упоминалось ранее, самодержавие представляется исследователям тесно связанным с национальными и культурными особенностями. Все это позволяет утверждать о сложном, комплексном характере этого явления [27].

Таким образом, только признавая принципиально междисциплинарную природу самодержавия, возможно его рассмотрение как особого механизма воспроизводства и осуществления государственной власти в России, а не только лишь юридико-доктринальной конструкции.

Продолжая этот дискурс, можно дать самодержавию следующее определение: самодержавие – это совокупность государственно-правовых практик, происходящая из особенностей российской культуры и общества, основанная на народном менталитете и укорененная в массовом сознании, определяющая конструкцию и свойства государственной власти, структуру элит, особенности права, имеющая собственные механизмы воспроизводства и подкрепленная особой системой идей и представлений.

Между тем такой подход имеет и ряд ограничений. Представленное выше понимание самодержавия ставит и набор проблемных вопросов, и один из ключевых (отсылающий к парадоксу «корабля Тесея») – о конструирующих самодержавие практиках, не изменяющихся на протяжении российской истории и образующих его сущность, которая преодолевает изменения внешнего контекста.

Заключение

Существующий в современной правовой и исторической науках дискурс о самодержавии неоднороден. С одной стороны, это связано с отсутствием фокусировки именно на исследовании самодержавия: оно всегда воспринимается как часть иного, большего объекта (как его признак, свойство или принцип).

Разнообразие точек зрения ученых относительно самодержавия указывает на сложность, многослойность этого феномена. Несмотря на то что каждая из представленных точек зрения является обоснованной, каждая в то же время является неполной, т. к. рассмотрению подвергается лишь часть исследуемого объекта. В этом смысле становится очевидным, что восприятие самодержавия лишь как идеологического конструкта или лишь как государственно-правовой категории всегда является неполноценным и не позволяет сконструировать холистическую концепцию.

Продуктивным подходом в исследовании самодержавия может быть восприятие его как феномена, проявляющего себя в различных сферах общественной жизни и как имеющего собственную идеологию, особенности правового закрепления, так и непосредственно влияющего на конструкцию государства, место монарха в нем, социальную структуру и внутриэлитную динамику. В этом смысле

становится ясным, что в многослойном явлении *самодержавие* есть идеология (как совокупность идей и механизмов их воспроизведения в общественном сознании), государственно-правовые конструкции (в том числе определяющие структуру механизма государства, полномочия его органов и должностных лиц), а также особенности структуры и положения элит в государстве.

Такой подход придает самодержавию статус самостоятельного объекта научного исследования, осмысливать который возможно лишь преодолевая дисциплинарные границы юридической, политической, исторической и социальной наук. Предлагаемый подход позволяет не только заново взглянуть на самодержавие как на уникальный феномен российской государственности, но и заложить основу для построения его целостной теории – в рамках современного научного дискурса о власти, праве и культуре.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Михеева С. Н., Скипский Г. А. Основные черты российской государственности: генезис и современное состояние. *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2023. № 4. С. 122–126. [Mikheeva S. N., Skipskiy G. A. The main features of Russian statehood: Genesis and current state. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2023, (4): 122–126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ofxeqi>
2. Захаров Н. А. Система русской государственной власти. Новочеркасск: Электро-тип. Ф. Туникова, 1912. 312 с. [Zakharov N. A. *The system of Russian state power*. Novocherkassk: Elektro-tip. F. Tunikova, 1912, 312. (In Russ.)]
3. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. Т. 5. 698 с. [Karamzin N. M. *The history of the Russian State*. St. Petersburg: Tip. N. Grecha, 1819, vol. 5, 698. (In Russ.)]
4. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб.: Общественная польза, 1896. Кн. 1. Т. 1–5. 1726 с. [Solovyov S. M. *The history of Russia since ancient times*. St. Petersburg: Obshchestvennaya polza, 1896, book 1, vols. 1–5, 1726. (In Russ.)]
5. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. М.: Мысль, 1987. Ч. 2. 447 с. [Klyuchevsky V. O. *Essays in nine volumes. Vol. 2. Course of Russian history*. Moscow: Mysl, 1987, pt. 2, 447. (In Russ.)]
6. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. Сочинение графа Сперанского. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1845. 171 с. [Speransky M. M. *A guide to the knowledge of laws. Essays by Count Speransky*. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd. Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii, 1845, 171. (In Russ.)]
7. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки в 3 томах. Ч. 1. Общее государственное право. М.: Типо-лит. Выс. утв. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. 482 с. [Chicherin B. N. *Course of state science in three volumes. Pt. 1. General state law*. Moscow: Tipo-lit. Vys. utv. t-va I. N. Kushnerev i Ko, 1894, 482. (In Russ.)]
8. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат»; ТОО «Алир», 1998. 672 с. [Tikhomirov L. A. *Monarchic statehood*. Moscow: SUE "Oblizdat"; Alir LLP, 1998, 672. (In Russ.)]
9. Градовский А. Д. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 7. Начала русского государственного права. Ч. 1. О государственном устройстве. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. 433 с. [Gradovsky A. D. *Collected works*

- in nine volumes. Vol. 7. The Beginnings of Russian State Law. Pt. 1. On the State structure.* St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiushevicha, 1907, 433. (In Russ.)]
10. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. СПб.: Тип. М. М. Стасиуловича, 1909. 623 с. [Korkunov N. M. *Russian State Law. Vol. 1. Introduction and general part.* St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiushevicha, 1909, 623. (In Russ.)]
11. Сафронова Е. В., Шайрян Г. П. Правовой феномен российского самодержавия. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 3-2. С. 240–252. [Safranova E. V., Shairyan G. P. Legal phenomenon of Russian authority. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 2021, 7(3-2): 240–252. (In Russ.)] [https://doi.org/10.29039/2413-1733-2021-7-3\(2\)-240-252](https://doi.org/10.29039/2413-1733-2021-7-3(2)-240-252)
12. Честнов И. Л. Постклассическая социокультурная антропология права как направление в современной юриспруденции. Вопросы правоведения. 2014. № 4. С. 55–69. [Chestnov I. L. Postclassical socio-cultural anthropology of law as a trend in modern jurisprudence. *Voprosy pravovedeniya*, 2014, (4): 55–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thpwjr>
13. Feldbrugge F. *A history of Russian law from ancient times to the council code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649.* Leiden-Boston: Brill, 2017, 1097.
14. Feldbrugge F. *A history of Russian law from the council code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649 to the Bolshevik Revolution of 1917.* Leiden-Boston: Brill; Nijhoff, 2023, 444.
15. Юшков С. В. История государства и права СССР. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. Ч. 1. 672 с. [Yushkov S. V. *History of the state and law of the USSR.* Moscow: Gos. izd-vo iurid. lit., 1950, pt. 1, 672. (In Russ.)]
16. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории Русского права. СПб.: Тип. М. М. Стасиуловича, 1910. 667 с. [Sergeevich V. I. *Lectures and research on the ancient history of Russian law.* St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiushevicha, 1910, 667. (In Russ.)]
17. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с. [Vladimirsky-Budanov M. F. *The review of Russian law history.* Moscow: Territoria budushhego, 2005, 800. (In Russ.)]
18. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л.: Наука, 1988. 241 с. [Alshits D. N. *The beginning of the autocracy in Russia: State of Ivan the Terrible.* Leningrad: Nauka, 1988, 241. (In Russ.)]
19. Кобрин В. Б. Иван Грозный. М.: Московский рабочий, 1989. 175 с. [Kobrin V. B. *Ivan the Terrible.* Moscow: Moskovskii rabochii, 1989, 175. (In Russ.)]
20. Самарина О. И. Идея самодержавной власти в работах русских историков. Университетская наука. 2023. № 1. С. 256–262. [Samarina O. I. The idea of autocratic power in the works of Russian historians. *Universitetskaja nauka*, 2023, (1): 256–262. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xkhgij>
21. Cherniavsky M. "Holy Russia": A study in the history of an idea. *The American Historical Review*, 1958, 63(3): 617–637. <https://doi.org/10.2307/1848883>
22. Cherniavsky M. *The structure of Russian history. Interpretive essays.* NY: Random House, 1970, 436.
23. Ахиезер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. А. История России: конец или новое начало? 3-е изд., испр. и доп. М.: Новое изд-во, 2013. 492 с. [Ahiezer A. S., Kliyankin I. M., Yakivenko I. A. *The history of Russia: The end or the new beginning?* 3rd ed. Moscow: Novoe izd-vo, 2013, 492. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sxehfh>
24. Лахман Р. Государства и власть, пер. с англ. М. Дондуковский. М.: Дело, 2021. 352 с. [Lachmann R. *States and power*, tr. Dondukovsky M. Moscow: Delo, 2021, 352. (In Russ.)]
25. Упоров И. В. Самодержавие в России: теоретическое обоснование в работе П. Е. Казанского (1913 год). Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2-1. С. 34–39. [Uporov I. V. Autocracy in Russia: Theoretical justification in the work of P. E. Kazan (1913). *International journal of humanities and natural sciences*, 2024, (2-1): 34–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-2-1-34-39>
26. Боянов А. Н. Самодержавие. М.: Проспект, 2024. 352 с. [Bohanov A. N. *The Autocracy.* Moscow: Prospekt, 2024, 352. (In Russ.)]
27. Ларионов А. С. Генезис самодержавия как государственно-правового феномена в России: историографический аспект. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 25. № 1. С. 96–104. [Larionov A. S. The genesis of autocracy as a state-legal phenomenon in Russia: A historiographical aspect. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2025, 25(1): 96–104. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/law250115>